Хочу, чтобы помнили

Не помним мы ни грохота орудий,
Ни всполохов зениток над землёй,
Не знаем, как страдали наши люди
Под тяжкою фашистскою пятой,
Не ведомы нам детские забавы –
Мы только родились перед войной,
И были колыбельной нам сигналы:
«Воздушная тревога» и «отбой»…
И с первых дней отец мой был на фронте,
На Чёрном море он крушил врагов.
И весь народ восстал в единой фронде,
Чтоб уберечь Россию от оков…
Враги прошлись по Руси будто смерчи,
Сметая беспощадно всё в пути,
Оставляя за собою шлейфы смерти,
Смогли до Волги-матушки дойти.
Но в Сталинграде, как былинный воин,
Подняв «Катюш» разящие мечи,
Народ наш показал, чего достоин,
Загнав врагов в «котёл», сразил в сечи…
Всегда он верил, что Победа будет,

И жизнь отдать за это был готов,
И на фронтах в пылу кровавых буден
Ковалась каждая свобода городов…
И вот она – Победа! Ликованье,
Объятья, слёзы радости – рекой!..
Закончились жестокие страданья,
В страну пришли и радость, и покой…
Мне хочется, чтоб помнили веками
Народный подвиг в годы той войны,
И чтобы не искали за морями
Героев наши русские сыны.

Неудавшаяся эвакуация

Терзала вновь война Европу –
Фашисты в ней создали ад.
Рождали страх солдатский топот
И частый грохот канонад.
Нацисты всех, им неугодных,
Загнали в лагерь под надзор,
Там издевались принародно
И убивали. Средств – набор…
Считали русских низшей расой:
«В России – недочеловеки,
Они должны исчезнуть массой
Или рабами стать навеки».
Внушали то же и народу
И с этим к нам войной пришли,
Но только русскую породу
И опыт прошлый не учли…
Призыв вождя, как бой набата,
Вмиг разлетелся над страной,
И встали сразу брат за братом,

Чтоб дать врагу нещадный бой…
И Пятигорск уже бомбили,
Круша округу под собой.
Людей же в ужас приводили
И взрывы, и сирены вой…
Сестра меня в овраг носила
При объявлении «тревог».
Как только ей хватало силы
Меня тащить, вещей кулёк?!
А мама в госпитале – сутки:
Лечила раненых солдат,
Лишь прибегала на минутку,
Чтоб нас проведать да назад…
Вот вывозить настало время
Всех раненых из Кавминвод,
Но не было из управленья
Приказа. Сетовал народ…
И, наконец, приказ получен –
Санпоезда формировать.
Тут, ожиданием измучен,
Медперсонал стал заполнять
Все поезда без промедленья.
И медиков, и ранбольных
Везли, не тратя ни мгновенья,
В Минводы – нет дорог иных.
И вот для нас пора настала
Уехать с ранеными в тыл –
Лишь мамин госпиталь остался,
Его черёд последним был.
На сборы дали нам полсуток.
Вокзал от дома далеко.
Мы вышли утром, был лишь сумрак.

Успеть нам было нелегко.
Ещё трамваи не ходили.
Мне – полтора, сестре – двенадцать.
Пешком – с узлами! Тяжки были
Те километры! Как признаться,
Что сил уж нет?! Но на вокзале
Ждал санитарный эшелон.
И мы по шпалам шли в запале!
Ещё чуть-чуть! Да где же он?!
Неспешно утро наставало.
Спала я в маминых руках,
Сестрёнка еле поспевала –
В крови мозоли на ногах…
Но вот и поезд замаячил!
О!.. Наконец-то наш вагон!..
Свисток раздался, это значит,
Пошёл эвакоэшелон!..
Колёса дружно в такт стучали,
И таял город наш вдали,
Но на разъезде вдруг начальству
Радиограмму принесли:
«Фашисты заняли Минводы!»
Пути отрезаны вперёд!
И как решить задачу сходу?
Куда деть раненых?.. В народ!
Назад спешили к Пятигорску
И Кисловодску, по пути
В больницах прятали по горстке
Бойцов, кто сам не мог идти…
А мы опять по тем же шпалам
Плелись назад к себе домой…